

Тема началась, как это обычно бывает, когда он слишком много выпил, а его друзья хвастались завоеваниями, реальными и воображаемыми. Несмотря на то, что Мартин слышал, он полагал, что большинство хвастовства было скорее выдачей желаемого за действительное, чем тем, чего кому-то из них удалось достичь. Кроме того, он знал, что разговор неизбежно перейдет на его сестру Гленду. На самом деле она не была его сестрой, даже сводной. Восемнадцатую месяцами старше его, он был усыновлен ее родителями в младенчестве, когда мать Гленды обнаружила, что не может больше иметь детей из-за осложнений во время первой беременности.

Он понятия не имел, кто его настоящие родители, но его приемные мама и папа всегда относились к нему как к своему сыну, даже если его мама иногда бывала немного замкнутой.

Все его приятели были равнодушны к Гленде, но это только потому, что они не знали ее и не жили с ней. В их глазах она была великолепным созданием, светловолосая, с идеальной фигурой и желанной грудью. Каждый из них хотел встречаться с ней или, что еще лучше, затащить ее в постель, но Мартин просто не понимал этого. По его мнению, она была самой эгоцентричной, мстительной и колючей стервой из всех, кого он когда-либо встречал.

Дома и в детстве семейная жизнь давала ему все нормальное, чего он только мог пожелать, но иногда у него складывалось впечатление, что Гленда была любимицей их матери. К ней всегда относились с преференциями, ей все сходило с рук, она могла обвести их родителей вокруг пальца. Мама всегда верила всему, что говорила ей Гленда, и только отец был склонен принимать ее сторону. Хотя, повзрослев, Мартин понял, что его отец, возможно, был курам на смех и доминировал над женой и дочерью.

Он отстранился от разговора, что всегда делал, когда речь заходила о его сестре. Уловив странный комментарий, он решил немного развлечься и, возможно, заработать немного денег на стороне.

'Слушайте, мальчики, слушайте. Кто-нибудь хочет поспорить? Я даю хорошие коэффициенты'. Шум их разговора утих, когда все посмотрели в его сторону.

'Ставка на что?' спросил Бобби. Мартин знал, что именно он задаст этот вопрос.

"Ну, поскольку вы все, кажется, влюблены в мою сестру и думаете, что у вас есть шанс. Если вы затащите ее в постель в течение следующих десяти месяцев, я дам каждому, кому это удастся, пятьдесят фунтов".

'Если же, с другой стороны, к Новому году вам это не удастся. Вы дадите мне по двадцать фунтов каждый. Я не могу сказать ничего более справедливого, ребята'. Саймон рассмеялся над собственной гениальностью.

Каждый из его товарищей принял пари, все они были уверены, что смогут затащить его сестру в мешок за это время, и выражали свои намерения.

Мартин усмехнулся про себя: это будут легкие деньги. Он поймал предостерегающий взгляд хозяина, когда в их углу стало слишком шумно, и сказал своим приятелям притихнуть, а сам пошел и купил следующую порцию.

Его друзья, как он знал, столкнулись с непреодолимой проблемой. Гленда!

Мама и папа никогда не запрещали его друзьям приходить в гости, если они вели себя хорошо и не слишком шумели. Дело было в Гленде. Как только они появлялись, она начинала вести себя вызывающе и кокетливо. Она переодевалась, надевая одежду, которая демонстрировала больше ее тела, чем требовала скромность. Она садилась к ним на колени и извивалась, прекрасно понимая, что возбуждает эрекцию, когда осыпала их поцелуями, ерошила их волосы и, казалось, обещала им, что у них есть все шансы с ней.

Но в конце концов, Гленда никогда не отдавалась, особенно его друзьям. Она не была девственницей, переспав с несколькими разными партнерами. Она любила хвастаться ими перед Мартином, предпочитая, насколько он мог судить, женатых мужчин. Ей нравились мужчины, которые покупали ей подарки, но не представляли угрозы из-за своих жен и семей дома. Таким образом, она могла бросить их, когда они ей надоедали, и они уходили молча, боясь поднять шум.

Мартина не беспокоило ни то, что она затеяла, ни то, что его приятели думали получить от нее. К восемнадцати годам он просто относился к ней с презрением, зная, что это чертовски раздражает ее, потому что она никогда не могла взять над ним верх. Чем больше она пыталась спровоцировать его, тем больше он ее игнорировал. Когда мама и папа были рядом, он всегда был воспитанным и вежливым, делал замечания, которые, как он знал, его родители восприняли бы как братскую привязанность, и говорил Гленде, как хорошо она выглядит. Но наедине с собой, особенно когда ей удавалось вывести его из себя, он просто называл ее "развратницей".

Он бросил школу в шестнадцать лет и устроился подмастерьем электрика. Один день в колледже и четыре дня обучения "без отрыва от производства" означали, что через двенадцать месяцев или около того он получит квалификацию, а его зарплата увеличится почти вдвое и даст ему свободу, которой он так ждал.

В последнее время Гленде не так часто удавалось добиться своего. Это происходило потому, что Мартин решил отыгаться на их матери. Когда родители были рядом, он из кожи вон лез, чтобы быть общительным и услужливым. Он делал замечания матери по поводу платья, которое она надела, или говорил ей, как хорошо она выглядит, когда ей сделали прическу.

Он знал, что он был симпатичным парнем, у него никогда не было проблем с подбором девушек, поэтому, когда он оставался наедине с мамой, он начинал флиртовать с ней и делать ей комплименты, надеясь стать сыном, которого она так и не смогла родить. Однажды он сказал ей, что понимает, откуда у Гленды такая внешность, наблюдая за тем, как его мать прихорашивается.

"Двое могут играть в эту игру", - подумал он про себя. Если он сможет привлечь мать на свою сторону, Гленде не к кому будет обратиться.

На прошедшее Рождество его мать немного выпила днем, и он предложил ей помочь помыть посуду после ужина, пока она мыла. Он тоже был навеселе и воспринял это только как забаву, когда обхватил ее сзади за талию, поцеловал в макушку и прошептал на ухо: "Если бы ты только не была моей мамой".

Она стала пунцовой и рассмеялась, но не стала его отчитывать.

Он не был склонен делать что-либо еще. Да, она была симпатичной женщиной, вероятно, похожей на свою дочь, когда та была моложе, но это было далеко не так, его единственным мотивом было привлечь ее на свою сторону и разозлить Гленду.

Его мать и отец владели домом для отдыха на побережье, расположенным на большой площадке для статических караванов, откуда открывался вид на залив. С наступлением весны они уезжали каждую пятницу вечером и проводили там выходные. Они с Глендой, когда были детьми, сопровождали их, но сейчас они были предоставлены сами себе и сами решали, ехать им или нет.

Однажды в субботу Мартину было скучно, и он сел на автобус до их дома отдыха. Он не собирался оставаться там, а просто хотел провести день с родителями, а потом вернуться на автобусе и встретиться с друзьями в пабе вечером. Когда он приехал, отец уже вышел за вином, а мать загорала на одном из шезлонгов на террасе. Взяв себе холодный напиток, он сел рядом с ней, разглядывая старомодный купальник, который она носила. Взглянув на него, мать заметила выражение его лица.

Что, - спросила она недоуменно.

Извини, мама, но тебе не кажется, что это немного старомодно", - сказал он, указывая на ее наряд. По выражению ее лица было легко понять, что она восприняла его замечание как критику.

У вас все еще хорошая фигура, достаточно хорошая, чтобы носить бикини. Тебе стоит купить себе такое", - сказал он, наблюдая, как она снова покраснела.

Мартин, веди себя прилично! Но спасибо, это приятные слова", - хихикнула она, внезапно улыбнувшись и снова покраснев, когда поняла, что он делает ей комплимент. Его отец как раз возвращался, и Мартин внутренне усмехнулся: "Еще несколько баллов", - подумал он про себя.

Он провел с ними весь день, а затем сел на автобус до дома, съел немного рыбы и чипсов к чаю, а затем поднялся вверх, чтобы принять ванну, прежде чем отправиться на встречу с друзьями. Ванная комната была занята Глендой, и ему пришлось ждать, лежа на кровати, пока она не закончит, и ванная не освободится. Он услышал, как ванна опустела, а через пару

минут дверь ванной начала открываться, когда он встал с кровати и схватил полотенце. Возможно, она не слышала, как он поднялся наверх, потому что, когда он вышел из комнаты, ему открылся вид на обнаженный зад сестры, полотенце, которое она держала в руках, прикрывало ее только спереди, когда она направлялась в свою спальню.

"Твоя попа становится больше?" - спросил он с сарказмом. Гленда резко развернулась, выглядела смущенной и рассерженной, пытаясь натянуть полотенце вокруг себя. Он громко рассмеялся, заходя в ванную, и услышал, как она зовет его за собой.

'Отвали, придурок. Иди на хуй'.

Он знал, что ему это не сойдет с рук, и намылился в ванну. Он не спешил и наслаждался горячей водой, закрыв глаза и напевая какую-то мелодию. Он был уверен, что Гленда сейчас придумает, как вернуть свое, и ждать оставалось недолго. Он никогда не запирает дверь в ванную, и, конечно, через двадцать минут Гленда появилась, опустив крышку на унитаз и достав пилочку для ногтей и лак для ногтей.

'Вода уже остыла?' спросила она с саркастической ухмылкой.

Было очевидно, что она намеревается сидеть здесь, пока вода становится холоднее, а ему нужно выходить. Вымыв волосы и намылившись, он лег на спину и закрыл глаза, представляя себе свою последнюю девушку и то, чем они занимались. Это возымело желаемый эффект, и он почувствовал, как его член начал утолщаться. Когда он был удовлетворен, он поднялся на ноги и вылез из ванны, глаза сестры остановились на его стволе, а кисточка для лака зависла в воздухе. Проходя мимо нее, он схватил полотенце с горячего поручня и начал вытираться, но не сделал никакого движения, чтобы прикрыть свою наготу, так как она продолжала смотреть на него.

"Хотите фотографию?" спросил он наконец, что, казалось, разрушило чары, так как она схватила свои вещи и убежала из комнаты.

Мартин знал, что Гленда теперь будет нарываться на неприятности, она не любила, когда кто-то одерживал над ней верх, и после того, как он дважды поймал ее, она будет жаждать мести. Когда выходные закончились, мать потянула его в сторону после чая в понедельник вечером.

Гленда сказала, что ты подмигнул ей в субботу, - начала она.

Извини, мама, - перебил он ее, - но это была не вспышка. Я пытался принять ванну, когда по какой-то причине она зашла в ванную и решила сделать там маникюр".

Я попросил ее дать мне полотенце, но она отказалась, и в конце концов вода стала слишком холодной, и мне пришлось выйти. В любом случае, она не в моем вкусе, я предпочитаю женщин постарше и немного более зрелых".

Взгляд, которым он посмотрел на мать, не оставил у нее сомнений в том, что он имел в виду, и она вдруг смутилась. 'Не волнуйся, Мартин, я поговорю с ней', - сказала она и поспешно удалилась.

Он мог бы завывать: опять Гленда не добила своего, она, должно быть, кипит, подумал он, с трудом сдерживая смех. Когда позже он поднимался в свою комнату, чтобы переодеться, она нахмурилась, когда он проходил мимо ее спальни, Мартин в ответ мило улыбнулся ей.

В среду его ждал сюрприз. В этот день он обычно приходил домой раньше других, потому что был в колледже. Только что войдя в дом, он услышал, как мама позвала его вниз.

Мартин, ты не мог бы подняться на минутку?

Подойдя к ее спальне, он постучал и, войдя, увидел, что его мать стоит перед зеркалом в полный рост в золотисто-черном бикини.

"Что ты думаешь? спросила она, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

Все, что он мог сделать на мгновение, это таращиться: "Ты выглядишь потрясающе", - заикаясь, произнес он, когда ему наконец удалось обрести голос. И правда, она выглядела невероятно подтянутой. Мартин и не подозревал, какое прекрасное тело было у его матери.

"Моя попа не выглядит слишком большой? спросила она, поворачиваясь и показывая ему свой зад.

Честно говоря, мама, ты выглядишь великолепно, достаточно хорошо, чтобы поесть", - ответил он. И тут она вдруг смутилась, схватила халат и прикрылась, но не раньше, чем он заметил, что ее глаза уставились на его пах и развивающуюся там выпуклость.

Оглядываясь назад, можно было заметить, что что-то неуловимо изменилось. Мартин не знал, что именно, он просто почувствовал, что в семейной иерархии произошел сдвиг. Его мать, казалось, вела себя с ним по-другому, и даже Гленда в настоящее время держалась на расстоянии. Это не означало, что она вела себя иначе, когда рядом были его друзья, но было забавно наблюдать, как они быстро уходят в никуда. На данный момент она перестала приходить в его комнату, обычно для того, чтобы сделать какое-нибудь ехидное замечание, или потому что там были его друзья, и она хотела подразнить их, возбудить их, а потом исчезнуть с довольной улыбкой на лице. Мартин не мог вспомнить случая, когда она пыталась проявить к нему интерес, она всегда относилась к нему как к чужаку, к человеку, который пришел, чтобы украсть внимание и привязанность ее родителей.

Перемены назревали, но только спустя почти два месяца они стали очевидны, и, что удивительно, они не касались Гленды.

Его отец подхватил одну из летних простуд и не был готов посетить их дом отдыха в ближайшие выходные. Мартин понятия не имел, почему он вызвался, но в глубине души он хотел остаться в хороших маминых книгах и, как обычно, обойти Гленду.

Пусть папа остается здесь, мама, а я поеду с тобой. Только если ты позволишь мне вести машину", - предложил он.

Он брал уроки, но ему еще предстояло сдать экзамен, и поездка с ним за рулем была бы хорошей практикой. Его мать была в восторге, она с нетерпением ждала выходных на побережье, и перспектива пропустить эту неделю немного испортила ей настроение. Он собрал несколько вещей в сумку и отложил ее в сторону, готовясь к их отъезду в пятницу вечером. Он ожидал комментариев от Гленды, но сейчас она была занята другим новым парнем.

Прошло, наверное, не менее пяти лет с тех пор, как они с матерью выходили на улицу одни, без сопровождения отца или сестры. Да, бывало, что они были вместе в доме, но это был первый раз за много лет, когда они были вместе на улице. Он сосредоточился на вождении, получая похвалы за то, как хорошо у него это получается, пока его мать весело болтала на протяжении всей поездки. Это была всего лишь сорокаминутная поездка, короче, чем его уроки вождения, но он все равно был доволен, когда остановился возле каравана, и оба они остались целы и невредимы. Пока его мать открывала окна, впуская свежий воздух, он забрал чемоданы из машины, положив материнские в ее спальню и бросив свой холдер в своей комнате. Была середина вечера, и никто из них не хотел ничего делать, поэтому он проводил ее в магазин, чтобы купить еду на выходные, и купил две бутылки вина, за которые заплатил из своих собственных денег, несмотря на ее протесты. Они провели остаток вечера за просмотром телевизора, пока она не ушла на пенсию, поцеловав его в щеку и пожелав спокойной ночи.

Мартин все еще чувствовал себя беспокойно и решил прогуляться по пляжу, шум разбивающихся волн и легкий бриз очистили его разум от всех мыслей, после чего он вернулся, убедился, что все заперто, и лег в свою постель.

На следующее утро он встал рано, шум чаек и первые люди начали передвигаться, пробуждая его ото сна. Отдернув шторы, он влез в футболку и шорты и отправился в душ. Он слышал, как мама вставала и собиралась, пока он вытирался, и, выйдя из ванной, предложил ей накрыть стол для завтрака, пока она принимает душ.

Когда завтрак был закончен, она объявила, что собирается переодеться и позагорать несколько часов. Мартин не планировал делать ничего особенного: "Возможно, он мог бы пойти и исследовать", - подумал он, но передумал, когда его мать появилась в новом бикини. Выйдя на улицу и расположившись на шезлонгах, он снова не мог налюбоваться, как хорошо она выглядит, когда наносит масло на руки, плечи, живот и ноги. Когда день потеплел, он спросил, не хочет ли она выпить бокал вина, принес бутылку и два бокала, пока они болтали, и продолжал делать ей комплименты и смешить ее. Это должно принести ему почти годовой запас баллов, решил он, время от времени бросая взгляды в ее сторону. Они опустошили первую бутылку и приступили ко второй.

Пока мама готовила им обед, он сходил в магазин и купил еще пару бутылок - с такими

темпами, как они расправились с первыми двумя, им понадобится замена. Они поели на улице, выпили еще по одной, и Мартин решил, что ему лучше полегче, так как от вина у него голова шла кругом, возможно, потому что он пил его с той же скоростью, что и пинту пива.

С жалобами на мочевой пузырь он встал и пошел в туалет, это была крошечная кабинка внутри фургона, неудобная, потому что дверь открывалась наружу в коридор, и приходилось тасоваться, чтобы войти и выйти из нее. Когда он спустил воду и вышел из туалета, мама уже ждала его, в результате чего таскание туда-сюда закончилось тем, что она плотно прижалась к нему.

Мартин чувствовал, как ее пах плотно прижимается к его собственному, как ее груди крепко прижимаются к его груди, и не мог остановиться, глядя на мамины сиськи. Они выпирали из ее бикини, прижимаясь к нему, и создавали очень соблазнительное декольте загорелой плоти. Он ничего не мог сделать, чтобы остановить это, и она никак не могла понять, что происходит внизу, так как его член начал утолщаться и увеличиваться, пока яростный стояк не уперся в ее живот и бугор. Его удивило то, что она не попыталась высвободиться, когда он снова посмотрел вниз, наблюдая, как быстро поднимаются и опускаются ее груди. Это еще больше усилило пульсацию внизу, когда его взгляд перешел на ее лицо. Он попытался заглянуть ей в глаза, но обнаружил, что смотрит на ее губы, частично приоткрытый рот. Они выглядели пухлыми, соблазнительными и манящими, казалось, приближаясь, но затем останавливаясь. Словно застыв, он наклонился вперед и поцеловал их. Он ожидал, что его мать отдернет голову, и был удивлен, когда ее руки поднялись и обняли его лицо, пальцы гладили его волосы, когда она поцеловала его в ответ, их рты слились в эротическом поцелуе.

Мартин был выше ее на несколько дюймов, и, прижавшись спиной к стене, он слегка раздвинул ноги, соскользнув вниз, так что они оказались на одном уровне, а его руки обхватили ее ягодицы и с силой притянули ее бугор к своему пульсирующему стволу.

Мэдж не хотела, чтобы это произошло, твердила она себе, прижимаясь к эрекции сына еще сильнее. Она знала, что была строга к нему все эти годы, она была бы рада довольствоваться одним ребенком, но именно ее муж хотел сына. Ей было трудно испытывать к нему ту же привязанность, что и к дочери, но за последний год она полюбила его, привлеченная его обаянием. Ей нравились маленькие комплименты, которые он делал ей, заставляя ее чувствовать себя желанной женщиной, и особенно его замечание о "пожилых, зрелых женщинах, и если бы только она не была его матерью". Это неожиданно пробудило в ней что-то, а выражение его лица, когда он впервые увидел ее в бикини, и эффект, который это произвело на него, заставили ее задуматься, сможет ли она когда-нибудь набраться смелости и сделать что-то с этим. Она задалась вопросом, имел ли он это в виду, когда предложил проводить ее в эти выходные, и отчасти поэтому она решила упаковать свое новое бикини. Когда их рты все еще были сомкнуты, она попыталась застонать, почувствовав, как одна рука переместилась с ягодиц на бедра и талию, двигаясь вверх, и Мэдж прекрасно знала, куда она направляется.